

Къ біографіи Максима Горькаго.

Сотрудникъ „Приазов. Края“ приводитъ небезынтересный разсказъ начальника одной изъ станцій юго-восточной ж. д., подъ начальствомъ котораго пришлось служить извѣстному писателю.

— Этому прошло не менѣ десяти лѣтъ,— началъ Степанъ Степановичъ,— не помню въ точности, въ какомъ году, но, кажется, въ 1889, я служилъ старшимъ помощникомъ начальника на одной изъ станцій близъ Царицына. На моей обязанности, между прочимъ, лежалъ надзоръ надъ мелкими служащими на станціи, наемъ и расчетъ ихъ и т. д. Помню, въ одно прекрасное утро, а, можетъ быть, и вечеръ, на станціи нашей появился молодой паренекъ, на видъ лѣтъ приблизительно 22 отъ роду; одѣтъ онъ былъ, можно сказать, довольно легкомысленно: въ издерганной и послужившей своему хозяину нанковой блузѣ, такихъ же штанахъ, выцвѣтшемъ отъ времени рыжемъ пальто, отчаянной бараньей папахѣ на головѣ и валеныхъ сапогахъ на ногахъ, а за спиною его болтался миниатюрный чемоданчикъ.

Онъ просилъ какого-нибудь мѣста, назвавшись крестьяниномъ или мѣщаниномъ какой-то губерніи, Пѣшковымъ, заявивъ, что раньше перепробовалъ не мало профессій: служилъ поваренкомъ на пароходахъ, хлѣбонеконъ въ булочныхъ и проч. и теперь желаетъ послужить на желѣзной дорогѣ.

Онъ казался довольно разбитнымъ парнемъ, съ грубымъ говоромъ на „о“, по-владимирски.

На его счастье оказалось свободнымъ мѣсто сторожа ночного у вагоновъ, на какое онъ и опредѣлился съ жалованьемъ по 15 рублей въ мѣсяць.

Служилъ онъ весьма исправно и оказался хорошо грамотнымъ, почему мы его поощряли и мѣсяца черезъ два предоставили ему мѣсто вѣсовщика, уже съ жалованьемъ въ 25 руб. Для холостого человѣка, какимъ былъ Пѣшковъ, жалованья этого было совершенно достаточно, между тѣмъ, онъ поврежнему довольствовался лишь чаемъ-брандахлыстомъ, да изрѣдка кислымъ молокомъ, силовъ и рядомъ, впрочемъ, уплетая кашу съ поденными рабочими, при чемъ курилъ исключительно махорку.

— Что ты,— спросилъ я его какъ-то,— не покунаешь турецкаго табаку, а все дымишь своею „цыгаркою“, теперь ужъ ты можешь позволить себѣ эту роскошь.

— Да что, Степанъ Степановичъ,— отвѣтилъ онъ мнѣ,— вѣдь отъ куренія получается одно: „горько“ отъ всякаго табаку; такъ развѣ не все равно, какимъ табакомъ не нагорчить во рту?

Но онъ и не собиралъ денегъ, а тратилъ ихъ странно, или, какъ мы говорили, глупо— раздавалъ семейнымъ служащимъ, бѣднымъ людямъ, тому рубль, тому 50 к., да расходовался сильно на почтовые марки, такъ какъ велъ слишкомъ обширную переписку, чуть не ежедневно получая откуда-то письма.

Съ кѣмъ и о чемъ онъ перенисывался, никто не зналъ, хотя это обстоятельство и занимало насъ не мало.

Въ свободное же отъ занятій время его всегда можно было встрѣтить окруженного толпою рабочихъ, среди которыхъ онъ или ораторствовалъ о чемъ-нибудь, или же читалъ этой аудиторіи какую-нибудь брошюру духовно-нравственнаго содержанія, или по географіи, исторіи, астрономіи и т. п., знакомя слушателей съ окружающимъ насъ міромъ и его явленіями.

Публикѣ онъ, очевидно, очень нравился, такъ какъ разсказывалъ увлекательно, обладая недюжиннымъ даромъ слова, и его прямо таки ловили рабочіе, чтобы послушать что-нибудь занимательное, а онъ умѣлъ быть всегда занимательнымъ.

А тѣмъ временемъ пришлось и намъ, станціонному начальству, поближе узнать Пѣшкова.

Читая романъ или что другое, не помню, я дочитался до незнакомой мнѣ секты или общества „масоновъ“ и, не зная ученія ихъ, обратился за разъясненіемъ своего недоумѣнія къ начальнику станціи, который былъ на станціи начитаннѣе всѣхъ. Но онъ меня не удовлетворилъ, заявивъ, что читалъ про масоновъ раньше, но не усвоилъ себѣ ихъ ученія, какъ слѣдуетъ.

Случившійся при нашемъ разговорѣ въ конторѣ вѣсовщикъ Пѣшковъ обратился къ начальнику станціи съ такимъ предложеніемъ:

— Дозвольте мнѣ, Иванъ Ивановичъ, разъяснить это дѣло?

— Да развѣ ты знаешь что-нибудь про масоновъ? усомнился начальникъ.

— Я кой-что читалъ про нихъ и, что запомнилъ, могу разсказать.

И тутъ онъ намъ прочиталъ настоящую лекцію про масоновъ съ такими подробностями, что я ужъ и не знаю, гдѣ онъ ихъ дочернулъ. Какъ я упоминалъ раньше, говорилъ онъ увлекательно и такъ занялъ насъ, что мы съ начальникомъ могли бы и поѣздъ проморгать, если бы таковой двигался на станцію, но, по счастью, никакого поѣзда мы не ожидали. Такъ прошло совершенно незамѣтно часа два времени; когда же Пѣшковъ ушелъ отъ насъ, начальникъ станціи обратился ко мнѣ:

— Знаешь, Степанъ Степановичъ, я думаю, что Пѣшковъ этотъ либо выгнанный студентъ, либо что-нибудь въ этомъ родѣ, потому больно ужъ онъ уменъ для хлѣбонекы и поваренка и здорово начитанъ! Какъ бы съ нимъ еще бѣды не нажить, Господь съ нимъ!

Однако, начальникъ, видимо, приближалъ его и даже допустилъ къ себѣ въ домъ, какъ добраго знакомаго, и Пѣшковъ безъ малѣйшаго стѣсненія проводилъ съ нами время, понахивая своею „цыгаркою“ и все болѣе и болѣе поражая насъ своими знаніями и на-

читанностью, такъ что мы вполне увѣрились, что Пѣшковъ непременно выгнанный студентъ, которыхъ въ тѣ года было видимо-невидимо на всякихъ службахъ у насъ.

Затѣмъ со мною самимъ произошелъ такой случай. Составлялъ я какую то бумагу дѣловую и, увидя, по окончаніи этой работы, въ конторѣ Пѣшкова, сказалъ ему;

— А ну-ка, Пѣшковъ, послушай, ладно-ли я написалъ? И прочиталъ ему свое „сочиненіе“.

— Ничего, ладно,—отвѣтилъ онъ, только попробуйте переставить вотъ эти фразы одну на мѣсто другой, а вотъ эти поставьте такъ вотъ... И онъ переставилъ мнѣ фразы такъ ловко, что изъ моей бумаги получилось будто бы то же, да не то, и я самъ увидѣлъ, что отъ поправокъ Пѣшкова моя бумага значительно выиграла.

Былъ и еще подобный случай и я еще больше убѣдился, что Пѣшковъ, навѣрно, выгнанный студентъ, но когда какъ-то заговорилъ съ нимъ о его образованіи, Максимъ сказалъ мнѣ:

— Меня училъ дьячекъ деревенскій, котораго дѣдъ мой нанялъ за мѣру картофеля, и другихъ учителей я не знаю.

Не скрывая своего происхожденія и своей науки у дьячка за мѣру картофеля, Пѣшковъ, однако, нерѣдко выставлялъ себя какъ чловѣка, стоящаго значительно выше окружающихъ его людей, и какъ бы предсказывалъ, что мы о немъ еще услышимъ кое-что поважнѣе.

Такія мечты его о будущемъ или, я ужъ не знаю, какъ назвать ихъ, не мѣшали ему быть очень милымъ малымъ и услужливымъ хоть куда.

Я въ то время былъ порядочнымъ охотникомъ и съ другими охотниками изъ сослуживцевъ въ свободное время бродилъ на охоту въ степь. Сплошь и рядомъ мы брали съ собою и Пѣшкова, который тоже вооружался, но охотою самъ не увлекался, а довольствовался тѣмъ, что носилъ за нами бранныя принадлежности, благо, къ тому времени онъ успѣлъ обзавестись кожаными сапогами вмѣсто валеныхъ.

Въ то время онъ былъ хотя и невысокимъ, но коренастымъ и довольно сильнымъ парнемъ, такъ что ему, видимо, прогулка съ нами въ качествѣ носильщика никакой тягости не составляла, чѣмъ мы, охотники, пожалуй, даже злоупотребляли, наваливая на него даже безъ мѣры.

Вся служба его на нашей станціи продолжалась лишь нѣсколько мѣсяцевъ, а въ одно прекрасное время онъ явился ко мнѣ въ контору и попросилъ расчетъ, заявивъ, что больше служить не желаетъ у насъ.

Я уплатилъ ему заслуженныя деньги и предложилъ билетъ 3 класса до какой хочетъ станціи по нашей дорогѣ, но онъ отъ билета отказался, заявивъ, что пойдетъ пѣшкомъ и, нахлобучивъ свою папаху и трянувъ за плечами тощимъ чемоданчикомъ, въ своихъ опять валеныхъ сапогахъ или даже лаптяхъ, двинулся по линіи отъ станціи, любезно распрощавшись съ высылавшими провожать его станціонными служащими, которыхъ онъ услаждалъ и просвѣщалъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Затѣмъ мы услышали, что онъ пристроился на одной изъ сосѣднихъ станцій опять-таки сторожемъ, обязаннымъ обслуживать вокзалъ, подавать звонки поѣздамъ и проч., а потомъ я его потерялъ изъ виду.

Но какъ-то въ недавнее время мнѣ попалась книжка Максима Горькаго и отъ нихъ при чтеніи, повѣяло на меня чѣмъ-то знакомымъ, но давно забытымъ, попался затѣмъ и портретъ автора, въ которомъ я тотчасъ же узналъ стараго сослуживца.

Признаться, я и теперь сомнѣваюсь, что онъ не получилъ никакого образованія,